

М.Бердс, А.Голубец

ПРОТУБЕРАНЕЦ

18+

Марина Бердс
Протуберанец

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бердс М.

Протуберанец / М. Бердс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман написан в жанре крутого иронического детектива. Основан на нескольких реальных событиях, перенесенных в современность. Автором является частнопрактикующий врач-гипнолог (это его 9-я книга). В литературном творчестве автор выступает под псевдонимами «Марина Бердс» и «Асклепий Голубец». Целью данной книги является объединение бывших советских инженеров для решения вопроса: «Как передать им свои бесценные знания и навыки потомкам?». Кроме того, автор выступает против осквернения родного языка неприличными словами и тотальной неграмотностью, которая разрастается сорняками по всей стране.

Советским инженерам посвящается

Предисловие

В Японии ведущий инженер компании Panasonic, 68-летний Харуто Тагава попытался покончить с собой, написав в предсмертной записке, что законы чести не позволяют ему и дальше вести разработки на основе ворованных и скупленных за бесценок патентов советских инженеров.

Как сообщают японские СМИ, полиция изначально пыталась скрыть содержимое записки, однако выяснилось, что Тагава сфотографировал её и разослал друзьям. В своём послании он написал, что не может и дальше «вести работу, которая снизу и доверху пропитана ложью, построена на воровстве и благословлена бесчестьем».

«Всё, чего мы достигли, мы достигли, благодаря советским инженерам. Весь современный так называемый хай-тек основан на их патентах, некоторые из которых датируются ещё 1960-ми годами, когда мы и мечтать не могли о чём-то высокотехнологичном. Потом мы воровали эти патенты, я видел шпионские микроплёнки, переданные подкупленными предателями из СССР. Мы скупали их патенты за бесценок, когда их страна рухнула и им нечем было прокормиться. Нас считают в мире великими изобретателями, однако на самом деле великий изобретатель – советский инженер. Тот самый, которого лишили всего. Я не могу больше работать в индустрии, которая появилась путём обмана и зиждется на несправедливости. Моя жизнь была посвящена этому обману. Я покрыл позором своё имя», – написал он.

После того как Тагава разослал текст друзьям, он оставил записку у порога дома, достал меч, который хранился в его семье как семейная реликвия в память о прадеде, и вонзил его себе в живот.

Родион Смирнов написал 31.08.2018.

(опровержение было, но неубедительное)

Глава 1

Последние розовые акварели растаяли в безоблачной голубизне небесного оптимизма, разрезанного полоской восходящего самолета. Жилистый солнечный луч сорвался вниз и пошел гулять по макушкам молодого сада. В небе, то искрясь, то исчезая, кружила стайка соседских голубей. Жаворонки спорили с петухами, козы с баранами, коровы со свиньями, группировка из восьми черных котов тети Клуши (ведьмаки) – между собою. Утро и весна – два измерения возрождения природных сил (в том числе, и половых) и символ омоложения. И даже пень в весенний день готов на беспримерный подвиг.

Прогулявшись по саду, Луч увидел раскрытое окно и с вороватостью домушника тихо прыгнул на подоконник. Но в наш электронный век незаметно проникнуть в чужое домовладение не очень просто – и Луч-домушник был тут же пойман старым, но верным мобильником.

– Buenas días, preferido marido mio amigotitito! – нежно пропел девичий голосок, тщательно маскируя климактерический возраст (в переводе с, мягко говоря, испанского оно звучит как «добрый день, предпочитаемый муж, мой дружочек»; но хозяйка голоса упорно употребляла «предпочитаемый» в значении «любимый»).

– Ну? – получил он сонно в ответ.

– Как это «ну»?! Как это «ну»?! Как ты можешь так со мной разговаривать?!!

– Сама сначала по-человечески скажи. Да и какой на пи-пи-пи день, когда шести еще нет.

– Да ты что, оборзел от своей стройки? Да испанский и китайский – самые человеческие языки! Китай и Латинская Америка – это же будущее России!

– Короче. Иначе выключу.

На том конце контакта облизнули губы и сменили гнев на милость.

– Ну извини, мой цыпленочек, я погорячилась. Я же такая темпераментная, а без тебя мне жить еще целых два дня. Я так соскучилась! И у меня для тебя сюрприз.

– Опять?

– Ну конечно. Я же женщина-загадка и должна ошеломлять тебя, чтобы поддерживать страсть и твой жизненный тонус.

– Ну и теперь чего?

– Я отправляюсь на неделю в Германию по обмену опытом!

– Очень хорошо.

– Ты что, за меня не рад?

– Очень рад. А за себя еще больше.

– Ну козленочек! Ну ты меня обижаешь! Ты рад, что снова стена разлуки встанет между нашей любви?

– Слушай, Геля! Ты меня подняла ни свет, ни заря, и я не жрамши, не ср-пи-пи-пи-ши должен еще и радоваться и еще что меня козлом называют?

– Как?! Ты еще не покакал и не позавтракал? И не козлом, а козленочком. Это же так мило! Ну хорошо, не буду. А ты меня прекрати называть Гелей! Что это все вы за химическое имя мне придумали? Если тебе трудно выговаривать «Ангелина» – зови меня просто Ангел.

– Так, Ангел, если ты сейчас не замолчишь...

– Все-все-все! Коротко и о деле. Что? У тебя только у одного дела, а у меня делишки? Ты когда на работу устроишься? Твоей пенсии на презервативы не хватит. Да, мне они уже не нужны, но они тебе еще могут понадобиться (это я абстрактно-образно сказала), а мне нужно долг отдавать. Я на Германию у астрологички заняла, чем отдавать будем? Да командировочными не обойдешься, там же такие вещи! Ну и что, что китай, китай везде, а немецкий китай лучше нашего Китая. А вот и короче: Макаки расширяются, им нужен бровер.

– Кто нужен?

– Бровер. Брови щипать и выкрашивать. Ты хорошо им гвоздики тогда в щели вогнал, значит, и с бровями получится, и они согласны тебя взять без собеседования. Две недели работаешь у Макак – две недели отдыхаешь и можешь доделывать, что еще не достроил, там плитку положишь до душа, бордюры вымощишь в... – мобильник не выдержал и ушел в себя.

Константин грустно погладил седеющую щетину трехдневной выдержки, поднял с пола полотенце и тоскливо поплелся в летний душ принимать омолаживающие процедуры, чтобы соответствовать начинающемуся весеннему утру и предстоящему трудоустройству. «Конечно, бровером я еще не работал, – подумал он, – но пойду-ка я сам себя куда-нибудь еще трудоустрою».

Село Протуберанец, по московским параметрам, находится совсем близко от города – всего в шестидесяти километрах от него. Недавно Протуберанец справил свой 400-летний юбилей. Он довольно большой, и люди здесь, так сказать, отчасти городские. Когда на станции выгружаются проходящие электрички – опорожнение их получается процентов на семьдесят пять. И далее они следуют полупустыми.

При Советской власти здесь было три достопримечательности: военно-стратегическая база неприкосновенного запаса, санаторий союзного значения и лесопилка. А также по границе простирался зад государственного заповедника, обнажая кусок быстрой речки с холодными родниками. Санаторий сдох. Лесопилку приватизировали. Источник минеральной воды зарос. Заводик для ее затаривания растащили на стройматериалы местные жители (но каким-то чудом в городе все продолжает пользоваться спросом «Протуберанческая» минералка в полуторалитровых баклажках). Базу на совесть раз-база-рили, но сохранился эпицентр с ангарами, хранилищами и гигантскими подземными холодильниками для хранения тушенки на случай стихийных бедствий и непредвиденных массовых волнений (чтобы было где пересидеть

классу чиновников). Заповедный зад сильно загадили только по-над заброшенной железной дорогой, а в остальных местах уцелело лесничество, хотя и без лесников, но оно еще умудряется чем-то бороться с отходами человеческой жизнедеятельности. Лес стоит. Его даже не подожгли в 2010 году. Грибников больше, чем грибов, расческами собирают нарасхват неспелую чернику, которая вошла в моду уже как целых десять лет. Другие ягоды остаются нетронутыми и потому, что не на слуху, и потому что по одной яголке собирать лень. Куда проще выйти с косой за противоположную границу Протуберанца, накосить мешок-другой луговой клубники и выдать ее за лесную землянику на каком-нибудь городском базарчике неграмотным современным потребителям.

Речка называется Дева. Местное население долго рассказывало банальную легенду о том, как в ее водах утопилась девственница от несчастной любви, чем ну никак не проявило особой фантазии. Однако, ситуацию исправил молодой краевед. Оказалось, «Девой» речку назвали потому, что при царе здесь была женская баня, и девчонки, напарившись, голяком охлаждались в родниках, а молодые люди из-за кустов с восторгом наблюдали это представление. Еще здесь есть «Мост Любви» – надземный переход над железной дорогой. Здесь парочки вешают замки как символы скрепления отношений, а ключи бросают под поезд. Причем, нужно попасть под товарный – жизнь будет богаче. Когда расстаются, замки спиливают. Иногда на их месте остаются надписи для потомков: «Чтоб у тебя все отвалилось», «Я найду тебя, гадина» и более откровенные фразы.

Замыкают знакомство с Протуберанцем «Два Бориса»: один из них, Тарасов (по прозвищу Тарас Бульба) – глава местной администрации, второй – его заместитель. Фамилия Бориса Второго ни о чем не говорит, но прозвище получилось всем на зависть: Борис Годунов! Говорят, что в «Годунове» сначала была дополнительная буква «н», но с годами про нее забыли, потому что за пятьдесят лет безупречной службы он, наконец, научился работать. Оба Бориса, так сказать, почтенного возраста: одному исполнилось 78, другой на несколько лет старше. Но оба они бессменные и незаменимые. И оба заикаются: первый на согласные, второй на гласные. Глава районной администрации поэтому их не трогает: не может. Ибо оба Бориса до сих пор живут по старому принципу «в споре рождаются истины» и постоянно этот принцип используют в быту и на работе. И когда глава районной администрации вынужден их выслушивать, то после мероприятия заикается сразу на все звуки, которые только есть в родном языке и на родном жаргоне.

И остается последняя деталь, вернее, вопрос: а почему Протуберанец называется Протуберанцем? На этот вопрос не смог ответить даже новый краевед. Возможно, кому-то понравилось красивое слово, а может, в этом названии заключен какой-то важный смысл. Но как бы то ни было, подавляющее количество «протуберанцев» этого села дружно не знают, что такое протуберанец, а некоторые даже присоединяют его к своей ненормативной лексике.

...В железной двери зазвенели немного с тюремным оттенком тяжелые ключи, и пропускник Базы одним глотком захватил двух человек: корпулентного, в надежно-рассудительном образе, Константина и маленького деловитого живчика Райкина. Райкин – это сосед Константина напротив. Он с утра выскочил с крутой поломанной мухобойкой, пока тот не ушел в лес за сморчками:

– Здорово, Костян! А я к тебе! У меня тут чудо техники сломалось. Не поверишь, сама мух бьет! Можно в розетку включать, можно от батарейки, а бра-тельник мне мастера подогнал, чтоб от пульта работало. Говорит, мухи сами под нее запрыгивать будут. А мастер силы не рассчитал, и от нее вот это отпало. Теперь даже вручную не работает. Га-га-га!

– Да Андрюх, где ж ты сейчас мух для тренировки нашел? Они же еще не проснулись.

– А они у меня и не засыпали. Га-га-га! Когда третья жена ушла, вторая снова появилась да еще с малыши – четвертым и пятым... Да ты их видел, они такие!.. Я так поднялся, такие у

меня крылья выросли! Ты говоришь, сад. Сад! А что сад – он шесть месяцев – и все. О полгода – пи-пи-пи. Так я зимний сделал! Да, я помешан на саде, а теперь круглый год! Так что мухи у меня круглый год и не переводятся. Га-га-га! Ну как, мухобойку починишь? С меня магарыч. В кредит.

– Райкин, да мне бы уже твои магарычи складывать бы некуда было. Ладно, давай сюда, вернусь – припаяю.

– А ты куда идешь, за грибами?

– Да нет. Не за грибами. Меня мой Ангел работать посылает. Деньги ей на Германию подавай.

– Что, опять за границу собирается?

– Собирается. Опять.

– Понимаю... Ох, эти жены! Все им мало! У тебя хоть одна, а у меня целых три. И всем дай!

– Да собирается-то она часто! Да только дальше Турции так и не собралась. И то в челночно-мешочный период. От автобуса до рынка – вся экскурсия по Турции и все заморские прелести. Обязательно что-нибудь происходит, а деньги потом идут на что-то еще.

– А может, она тебе врет и так вымогает?

– Да не мне она врет. Себе. Мне ее тусовки здесь надоели. Но здесь я еще могу от всего этого спрятаться. А за границей куда мне бежать? Я с ней никуда не поеду, и она это знает. А без меня не поедет она.

– Так боится?

– Нет, так любит. Мне, правда, эта любовь уже во где сидит! Но жалко ее. Маленькая такая! Была когда-то...

– Так ты куда идешь-то?

– Да на Базу хочу попробовать. У меня все-таки КМС по биатлону. Может, в стрелки возьмут.

– О! Конечно возьмут! А я тебе протезе сделаю. У меня Леха, ну, зам директора, с Надькой, ну, с первой женой моей, вместе раньше в одной организации работали. Ну там.. Ну она его прикрывала, если что жена или теща... А там, я знаю, от Мусора место освободилось! Прикинь: Леха подумал, что он Мусор – Мусор, потому что бывший мент, а он Мусор, потому что мусоровозку водил! Га-га-га! А когда он узнал, за что его с мусоровозки вы-пи-пи-пи-ли, сам его вы-пи-пи-пи-л. Да не успел: Мусор и у него чего-то со свалки с-пи-пи-пи-л. Чего – Леха сам не знает. Учет-то не велся лет двадцать пять. Но что с-пи-пи-пи-л – точно: как он пришел, куча убывать пошла. С каждым днем. Прикинь, га-га-га! Лехе бы радоваться, он эту свалку за десять лет все собирался вывезти, но так все завтра и завтра, а куча все больше и больше. Ну, как у меня с магарычами. Га-га-га!

– Слушай, Андрюх! Так если оно на место Мусора – так меня и так возьмут. У меня КМС по биатлону, три высших образования, и еще всяких удостоверений много. Вот смотри: это – охотничий билет, а это я кочегаром работал. Между прочим, курсы с отличием закончил...

– Пошли, я говорю! Без меня не возьмут! Здесь особое расположение надо иметь. Га-га-га!

...Алексей Иваныч (тот самый Леха), с вытаращенными глазами завис над столом, на котором Константин разложил свои бумажки о различных квалификациях. Эти глаза смотрели на кандидата в охранники («стрелки»), как на идиота. Вокруг стола туда-сюда бегал возбужденный Райкин с чувством настоящего друга и боевого товарища:

– Мы его называли Человек-Паук! Человек-Паук! По стропилам лазил, крышу делал сам, сам, один! Каркас из металла! Листы один поднимал! Да что там дипломы – он освоил даже те профессии, которых нет. А как он мне мухобойку починил! Только что – и за пять минут.

На ходу! Взял ее одной рукой, что-то повернул, по забору хлопнул – сразу же на нее мухи из толикового сортира полетели!

Алексей Иваныч пошевелил глазами и вытер набежавшую на отвисшую нижнюю губу слюну. Райкин остановился (хотя мог бы этого и не делать: «Лехе» до него было прозрачно). Константин застыл с последней бумажкой в руке. Наступила минута молчания. Ее закончил сам командир:

– Как тебя зовут, говоришь?

– Колас Константин Сергеевич («Не «колос», а «колас, колас» – от слова «колоссальный»!!!» – не унимался Райкин).

– Нет, Колас, ты не коласс, – задумчиво тот покачал головой и принялся рассуждать вслух. – Ты, Колас, либо дурак,,, Либо что-то еще. И с этим грузом ты... ко мне,.. И на кой ляд тебе нужно у меня работать, если сторожем в пионерском лагере ты уже был?

– Коломбо, – Райкин от страшной догадки пересох горлом.

– Что «Коломбо»?

– Если Колас не коласс и не дурак, а он не дурак, значит, есть только третий вариант: он прикидывается дураком. А кто прикидывается дураком? Коломбо. Он и есть Коломбо: Кол-омбо, Кол-ас. Да это еще круче, чем просто Коломбо, это же русский Коломбо, Коломбо-асс, а сокращенно «Кол-ас»! Алексей Иваныч! Это же астральный знак, он нам прописан на небесах! Вот спросите у жены Нашего Коломбо, у нее есть личный астролог...

– Ладно, пусть будет Коломбо! – громыхнул зам. директора и изобразил уход занятого другими делами человека.

Соседи возвращались назад.

– А как я его! Р-раз! Га-га-га!

– Слушай, Райкин, – «Коломбо-асс» приостановил свой шаг, – если ты думаешь, что за твои сегодняшние гастроли я спишу твои кредитные магарычи или безвозмездно почию мухобойку, то ты очень глубоко ошибаешься.

– Так точно! – выпалил отставник Райкин и поднес руку к пустой голове, чтобы отдать воинскую честь. – Но сегодня магарыч с тебя.

– Чего?! Да твой Леха и без тебя бы никуда не делся. Уж если он Гендона здесь два месяца держал!.. Да и кто сюда еще пойдет? Все мужики из Протуберанца трудоустроены, один я, неприкаянный пенсионер, хожу. Да и деревня – есть деревня, все про всех все знают: и про мою крышу, и про твоих жен. Все ж на виду. И за что же это Я теперь тебе должен?

– А Я тебе, Костян, имя второе дал. Божественное. Ты же не крещеный? Не крещеный. У тебя его не было? Не было. Теперь есть. Так что я теперь твой крестный папа. Га-га-га!

– Имя дал, говоришь? Ну ладно, тогда, пошли, папа!

И они свернули в продовольственный магазин.

Глава 2

На маленькой аккуратной летней кухне подвижная носастая бабка ловко взбивала кулаками тесто для утренних пирожков.

– Римкя. это Евдоха, открывай! – заколошматили в рубленную дверь.

Бабка не спеша соскребла с локтей тесто, вытерла руки мокрым полотенцем и вразвалочку пошла, стараясь не наступать себе на сухие мозоли. В ней воплощался в полном объеме первый закон философии – борьбы и единства противоположностей: она была одновременно и страшная и симпатичная, и старая и молодая, и морально устойчивая и воровитая. Вообще, Протуберанец имеет свое лицо: коренное население на 90% спокойно ворует друг у друга по мелочам и продолжает при этом тесные товарищеские отношения. Из оставшихся – 7% в недоумении становятся аутсайдерами и не поддерживают товарищеских отношений ни с

кем на всякий случай, чтобы больше не разочаровываться в людях. И только 3% продолжают дружить одноклассниками.

– Римкя! Шо ща расскажу – лопнешь! – Евдоха просочила свое тучное тело сквозь миниатюрный дверной проем и плюхнулась на табуретку, обливаясь потом от желания высказаться. – У Тamarки опять скандал. Грохочут, чем могут: и скалками, и палками, и стаканами. Ейный орет: «Ты что, старая сучара, у Жорки делала?!» А она оправдываться стала, да так, пошто оно и правда было. Это ж надо ж на восьмом десятке он ей вделывает как молодую! И не постеснялась-то м-пи-пи-пи свое висячее предложить. А дед-то, дед! Ай маразм подхватил, ай допился до белочки. Бред ревности от самогону пошел. Говорила, не пей первач – ослепнешь! А он мне: «Вот по телевизору Мальшеву показывают, а она говорит, что пить надо по два литру на день, а она профессорша». Так вот и ослеп. Как можно бабке не доверять! Они ж пятьдесят один год пошел, как живут. И дети, и внуки, и правнуки, и машины, и квартиры – все есть. Даже на Острова хто-й-то из ихних ездили. И как не стыдно!

– Евдох, так я не поняла: дала она кому ль иль не дала?

– А я почем знаю? Я шо, свечку держала? Хрен их разберет. Мне-то какое дело...

– И-и-и... так что ж ты пришла, рассказываешь...

– Да то ж одной скучно, вот и пришла с подругой побалагурить. А еще говорят, к нам Коломбо приехал и притворился дачником. Засекреченный. Внедрили его, ну как этого... как Штирлица, вот. Поди-разбери, хто есть хто таков.

– Какой Коломбо, из сериала что ль?

– Ага, будут тебе сериалы, от этих сериалов так просеришься, что и сенате с эспумизаном не понадобятся. Пельмянник его. Говорю: Коломбо-младший, русский пельмянник.

– Да он ж артист, Питер Фальк...

– Ага, все они там артисты и так тебя нафалькуют, что будешь потом за Машкину клубничку на ее же огороде на принудительных работах ишачить. Оно ж, Римкя, не шутка – у подруги трудовые доходы сп-пи-пи-пи-ть. Да не бздень, Риммушка! Не по тебе честь. Это ж такая величина приехала. У него три высших образования – и все по части КГБ. А я тебе вот что скажу: у меня глаз наметанный. Я его почти сразу вычислила. Это Петька. Ну, новый, из олигархов. Ну, что три участка напротив ведьмаки купил. Точно тебе говорю, он ведет себя не так: со всеми здоровается и даже ведьмакиных кошек ни разу не поддал и даже гладил. Да вот тебе крест на пузе, на! И мне думается, что он не спроста приехал: будет террористов вылавливать. Откуда-откуда! Да откуда у нас в Протуберанце террористы, да из Сирии, конечно, чеченов-то уже давно побили, а энти еще есть. Спрятались по провинциям и сидять, как мыши. Я и их вычислю.

– Евдоха, пи-пи-пи, жрать давай!!! Хватит языки сушить – мошонки простудятся, – красиво пошутили снаружи.

– О, и мой с цепи сорвался. Иду-у!

– Хырр..., хырр..., хыррр!.. Что?! – капитан Закислин вскочил от собственного храпа, выдернув из-под подушки огнестрельное оружие. Капитан Закислин (в миру Затитькин, как небезосновательно его прозвал когда-то спасенный от преступного мира народ) огляделся с пашкой наголо, не нашел ничего подозрительного и уставился на оранжевый телефонный аппарат периода Застоя. Как и у многих серьезных людей, просыпающихся за три минуты до звонка будильника, у этого капитана выработался аналогичный рефлекс на утренние телефонные контакты.

А вот и предвиденный опытной и оперной интуицией пронзительный, не похожий на современный, ядовитый, как и его оранжевый источник, звонок устаревшего телефона.

– Экс-капитан милиции Виссарион Вениаминович Закислин слушает! – отчеканил он в замусоленную трубку.

– Ха-ха-ха, Затитькин, у вас в милиции все милые лица, представляю, какое оно сейчас будет у тебя!

– А у вас не полиция, а поллюция, знаешь, что это такое? Это когда у мальчиков еще женилка не выросла, а от фантазий течет.

– Да какие там фантазии, Веник-аминович! У нас реальное убийство. Представляешь?

– Что?!!

– Во что. В самое ухо и через него в висок.

– Кого?!!

– Тamarку Попову.

– Кто?!!

– Муж.

– Тьфу, тогда не интересно, – расстроился Закислин и отложил «пистик» (это он так называл свой служебный пистолет) на стол с грязными молочными стаканами.

– Ха-ха-ха, Веникович! Ты забыл спросить: «Чем?!!»

– Ну и чем?

– Вот в том-то и дело. Мухобойкой.

– Что?!! Пустым мешком по голове? Газеткой, а в ней гаечный ключ? А может, мухобойка, как у Райкина была? Он всему свету своей хвастался, может, на рекламу повелись?

– У Райкина мухобойка восемь тыщц стоит, он бы и сам ее не купил, это тесть подарил за то, что с Галкой сошлись снова. А эта обычная, правда, тяжеловата чуть-чуть. Ну, граммов сто пятьдесят. Но, чтобы кость пробить, нужно ударить со скоростью 330 метров в секунду.

– Это что это за скорость?

– Эх, пенсионер! Скорость пули при выстреле.

– Ну, конечно, я знаю. Это я тебя проверял, знаешь ли ты. Вижу, знаешь, слышу, ржешь. Что ржешь?!!

– Твое милое лицо представил, как тебе хочется покопаться в этом дерьме, а тебя никто не отпустит. До конца дежурства еще три часа! Чао. Пи-пи-пи...

– Вот едит твою мать серый волк! А я теперь сиди до восьми и мучайся! Ведь специально подразнить позвонил, гвоздюк, чтобы меня укусить за сучий потрох!

– Висяк, я все прекрасно понял. Ну чего ты мне трезвонишь? Какие у тебя семейные обстоятельства? Какая у тебя вообще может быть лишняя жизнь? Не свисти. Знаю, куда ты собрался. И на кой ты там нужен? Ты ж опер.

– Сам ты жопер, Леха! Красный командир, едит твою мать серый волк. Я следаком пахал десять лет, пока ты с подгузниками своим писающим мальчишкам по Пицунде бегал!

– Да я и по Чечне бегал.

– Я тоже. А не должен. А теперь не нужен!

– Тем паче. И знать должен, что приказы красного командира не обсуждаются.

– У нас не война.

– У нас военный объект.

– От слова «объесть» твой объект. Что я там на твоём разводе не видел?

– Все. У нас новая организация труда.

– Что?!!

Вчерашний Луч сегодня проснулся позже и чуть не проспал плановое производственное совещание, которое по устойчивым базовым понятиям было обозначено начальством как «Особо важное заседание стрелков ВСО «Протуберанец» по частям Внутренних Органов».

Створки дверей распахнулись и впустили главу собрания в парадной форме с медалями и с белой кожаной папкой подмышкой. Подчиненные в камуфляжной рабочей одежде встали по стойке «смирно», насколько кому позволила память по военной подготовке.

– Здравствуйте, товарищи стрелки! Можете садиться.

– Ты чего так припужонился, Красный командир? У тебя что, после собрания свадьба?

Красный командир застыл в позе незаконченного действия, выкатил глаза в окно (Луч заерзал на подоконнике) и проговорил туманным голосом в пространство раскрытых окон:

– Надвигаются дожди. После заседания всем получить в складе дождевики. Капитан Закислин проводит вас в склад и выдаст поименно.

– Что?!! Да я что тебе, сестра-хозяйка? Нашел крайнего!

– Молчать, Закислин, мы сейчас с тобой не на рыбалке! Приказы командира не обсуждаются, всем соблюдать субординацию и называть меня либо «товарищ подполковник», либо по имени-отчеству.

– Ну тогда и меня по имени-отчеству, – заворчал Закислин.

– Ну уж нет, позвольте, товарищ Закислин, по такому имени-отчеству я тебя называть не буду.

– Где-то я это уже слышал, – шепнул на ухо Константину Райкин.

– Да в «Собачьем сердце».

– А-а, а то я подумал, что у меня дежа-ву. Га-га-га!

– Не ржать, мать вашу наперевес! Смир-но! Сесть. Нет! Встать. Сегодняшнее сообщение нужно слушать стоя, как торжественный тост.

Командир выдержал паузу и оглядел личный состав. Его глаза были не просто навывкате. У него было двустороннее косоглазие, и казалось, что каждый орган зрительных чувств жил сам по себе, не в паре, и их хозяин может ощупывать ими сразу по два объекта. Этот подарок он получил от чеченского мальчика, которого как добрый дядя хотел погладить по голове. У него был еще один – от афганских душманов. Но второй он прятал глубоко в штанах и никому не показывал. По всем этим причинам его два взгляда в одном наводили жуть даже на ведьмакиных кошек.

Затем он раскрыл папку и опустил оба глаза в напечатанный накануне текст.

– Товарищи стрелки! На нашем военно-стратегическом объекте вменяется новый конструктивный способ служебно-охранной деятельности личного состава стрелков. Это так называемая модернизация организации в условиях консервативно неменяющейся инфраструктуры. Будете работать по пять человек.

– Бригадным подрядом что ли?

– Нет, звездочками, ты что октябренок не был?

– Отставить разговоры! Подразделениями по пять стрелков. Будете обеспечивать охрану всех корпусов и всех прилежащих территорий. И это еще не все. В складе тоже сокращение и в котельной тоже. И еще обещают одного электрика сократить. Что за недовольные физиономии? Это из-за вас, между прочим, зарплату вам поднимать на 5% надо.

– Ага, зарплату на 5%, а нагрузку на 200.

– Я же сказал – «разговорчики»! Не нравится – уходи к чертовой бабушке, может, там тебе нагрузки меньше будет. Обленились, мать вашу наперевес! Стоять, я не кончил. Для новобранцев. Колас и Райкин, специально для вас. Ну, и остальным повторить не помешает. «Матюгами не выражаться. За матюги взимаются штрафы». И ибо ваши зарплаты повышаются, следовательно, повышаются и штрафные тарифы. И не вздумайте пытаться обмануть. У нас везде камеры наблюдения и прочая подслушивающая аппаратура. Наши подслушивающие устройства работают исправно и находятся повсюду, и даже я не знаю где. Не укроется никто. Вырученные от штрафов деньги пойдут на благоустройство дежурной комнаты и на премии наиболее добросовестным работникам коллектива в конце года. Надо отметить, что прошлые

составы так хорошо усвоили прошлый устав, что премий пока еще никто не получал из-за отсутствия штрафного денежного резерва. «Строго воспрещается произносить такие нецензурные слова как... на «хэ», на «бэ», «пэ», «мэ», «е-ё», «гэ» дабы не осквернять великий русский язык в устном общении». Нет, на «гэ» можно. На нем Кутузов разговаривал. И Хрущев. Но иногда. А то вам разреши, мать наперевес,

так вы обнаглеете, наперевес, так, наперевес, как все в вашем Протуберанце. Распустились, наперевес, культуры никакой. Пора взяться за чистоту родной речи. Я вам покажу мать наперевес так, что вся ваша деревня по-французски выражаться будет! Зачитываю дальше: «Если кому-то по долгу службы эмоционально неважно, дабы выплеснуть негативные эмоции, можно использовать заместительные эквиваленты, внутреннее содержание коих по смыслу итендычно общеупотребительному нецензурному слову, но формально звучит разрешенным образом». Это значит, следует заменять мат на не мат. Ну, как я. Или как капитан Закислин. Он говорит: «Едит твою мать серый волк» вместо широко известного... А мало ли кого волки едят? Указ подписан как модернизированный старый указ и возражению не подлежит. На этом официальная часть закончена. Вопросы есть?

– Разрешите вопрос, Алексей Иванович!

– Что, Колас?

– А вот я посчитал, нас должно быть пятнадцать, а нас четырнадцать. Для третьего подразделения одного не хватает, чтобы по пять человек работать.

– Успокойся, Коломбо. Будет тебе пятый человек в подразделении. Так будет, что... либо ты обрадуешься, либо... Смотря как ты натренирован на лишней жизни.

– Это как?

– Узнаешь. А сейчас – всем в склад за дождевиками. Закислин выдаст всем инвентарные дождевики для уборки территории.

– Да за что?! Пусть завхоз выдает.

– Штатная единица завхоза тоже упразднена.

– Ладно, давай ключи, грамотей: «подслушивающее устройство», «лишняя жизнь», «дожди». Жлоб московский.

– А ты мент поганый.

– А ты солдафон.

– А ты пошел в ж...

– Что?! Я не ослышался? А кто только что нехорошие слова повторял, которые нельзя говорить?

– А в указе про ж... ничего не сказано, поэтому ж... можно оставить.

– Ну конечно, куда нам без нее! А то лизать будет нечего. С твоим-то опытом!

– А я вот что хотел сказать, вот что хотел сказать, – проявил попытку уладить конфликт двух офицеров Константин. – Я вот когда учился на психологии, так там жизненный опыт сокращенно называется Ж.ОП...

– ... так что если у тебя большой жизненный опыт, то ты, Леха, в большой ж... Правильно, Коломбо. Именно это ты и хотел сказать.

Константин было открыл рот, чтобы мягко возразить, но мобильник, поставленный на вибрацию, выскочил из непривычного камуфляжного кармана.

– Доброе утро, *mi amore esposo* («мой аморальный супруг»; для Ангелины любовь – *el amor* – всегда была чем-то аморальным)! Ну не хочешь ты идти к Макакам бровером, ну, не надо. Я нашла тебе новое место – у Быка профайлером. Как не знаешь, что это такое?! Да я по пыхтению слышу, что не знаешь, можешь не молчать. Ты же психолог! Ты же должен знать: профайдер – это человеческий детектор лжи, это когда...

На этом Константин Коломбо выключил свой мобильный телефон и задумчиво поскреб подбородок.

- Слушай, а почему твой Леха говорит «личный состав», но «лишняя жизнь»?
- А это потому, что так надо, – аргументировал Райкин.

Глава 3

Склад находился на краю территории, а так как территория составляла около 9 квадратных километров, то идти пешком пришлось около четырех. Уже накрапывал дождик, и четверка стрелков еле успела к навесу, под которым прятался крепкий низкий склад, напоминающий милицейскую фуражку. Он существует с конца сороковых годов, его строили еще пленные немцы, с их национальным педантизмом и точностью. Лет десять назад к старому зданию прилепили пристройку. Там собирались сделать буфетик и небольшой спортзал с настольным теннисом, но бюджет был урезан, а пристройка рухнула после первого же обильного снегопада. Старая часть осталась непоколебима. («И не поколебнется», – скрупулезно подметил товарищ Райкин). Перед складом возвышалась огромная куча металлического лома и хлама (уменьшению которой способствовал выше упомянутый Гендон). Внутри склада находились останки советского инвентаря. В конце восьмидесятых годов База собиралась строить в лесу пионерский лагерь, но пионерская организация ликвидировалась; райком комсомола, который был меценатом будущего лагеря – тоже, и инвентарь оказался бесхозным. Все что могли, растащили по своим: от шифера и финских окон до кусачек и пассатижей. Но все равно здесь еще было чем поживиться.

– Вот, октябрят, оглядитесь, можете брать все, что еще не скомуфляжили предшественники, – сказал Зацепин и грузно оперся о тонкую стойку, которая мужественно выдержала этот акт, даже не вздрогнув. – Вот противогазы. Их было больше, но за годы их количество уменьшилось. Новобранцы берут себе в хаты, чтобы работать с вредностями или чистить лук. Может, вот это кому нужно. Это сигнализация, такими пользовались раньше в магазинах, помните? Орет, как сирена. Директор себе на гараж поставил, так теща оглохла. Назад принес. Представляете, кто влезть надумает – сразу в штаны наложит. Ну, никто не хочет? Ладно, пошли дальше. Гвозди. Не смотрите, что ржавые, они же советские. Я ими уже все, что мог, законопатил, и еще в запасе трехлитровая банка осталась. Ну, Райкину и Митрофаньчу это точно не понадобится, а вот, Коломбо, ты давай, набирай, сколько унесешь.

– Да это как-то нехорошо, это же не твое..., – робко пролепетал Константин, даже слегка краснея.

– Ты больной или правда октябренок? Что не воровал даже в глубоком детстве?

– Воровал. Один раз. Яблоки. С товарищем. Дед проснулся, нас спугнул. А я через забор перепрыгнул и яйцом на колышек от помидоров наделся. С тех пор больше не ворую.

– Да... – пожевал губы Зацепин. – Тяжелый случай. Яйца целы?

– Целы.

– Дети есть?

– Есть.

– На тебя похожи?

– Похожи.

– Так значит, все в порядке: Бог тебе разрешил. Можешь брать.

– Не могу.

– Гвозди не можешь, а прорезиненный брезентовый плащ можешь?

– Плащ – это рабочая одежда.

– Да... Действительно, тяжелый случай... Теперь я понимаю, почему ты со своими образованиями такую пенсию схлопотал: это тебе наказание за то, что воровать не научился. Ну и что мы будем делать? На склад раз в полгода пускают, мы что, с пустыми руками уйдем? Мы что, не русские люди?

– Ладно, я возьму, – сделал одолжение Митрофаньч. – Загону заказчику. Как раз мои ребята к бане приступают, скажу, что можно простыми гвоздями вагонку обивать, а можно раритетными: вовек не достанешь. Только у меня. Сам себе доставал по великому благу, да вот, осталось, – Митрофаньч вошел в роль, соответственно своей неизгладимой профессиональной деформации.

Митрофаньч родился и вырос не просто в семье военного, кочующей по всему бывшему Союзу – его отцом был ответственный по космической связи знаменитый в узких кругах генерал П. (полную фамилию называть запрещено даже в художественной литературе). Сам Митрофаньч до генерала дойти не успел. Сначала он продолжил династию, потом его судьба затолкала в космическую разведку, где он по инерции продолжал работать и после развала СССР, то изображая священника, то как ударник ансамбля в ключевых космических регионах загнивающего капитализма, ожидая приказа из Центра, которого все нет и нет. Он даже успел посидеть в голландской тюрьме, правда, недолго. Два дня. А потом в его клетку вошла разнаряженная мадам бальзаковского возраста и – хрясь ему по морде, а потом – хрясь еще. И быстро-быстро завопила о чем-то по-французски. «Это что, у них так показания выбивают? – подумалось Митрофаньчу, потиравшему ушибленные места. – Тогда я пропал: меня женщин бить не учили!» Но оказалось все намного лучше: сослуживцы по «ансамблю» быстро связались с консульством, и консульство не нашло ничего лучше, чем послать своего человека «изнутри, чтобы не разглашать государственной тайны». Таким человеком оказалась сорокапятилетняя Мария Павловна (по прозвищу Марфа Посадница), которая сыграла роль жены Митрофаньча (которому в то время было чуть больше за тридцать). Надо сказать, что роль получилась, и даже никто из голландских Внутренних Органов не догадался о подставе и даже не попытался сопротивляться Марфе, которая грозилась по-французски всех похоронить заживо. После этого Митрофаньч бросил пить и курить, сходил к доктору узнать, не сломана ли челюсть, и задумался: «А не пора ли вернуться? Я уже второй год не имею обратной связи, работаю по собственной инициативе. Центр молчит. Сведений нарыл больше, чем достаточно. Консульство тоже ничего не может прояснить, да ему еще и нельзя все рассказывать. Наверное, сменились пароли!» Но оказалось еще интересней. Оказалось, что митрофаньчевская часть разведывательного управления союзного значения перестала существовать по случаю роспуска Союза. И Митрофаньч остался не у дел, как и сам зачинщик Перестройки Михаил Горбачев. Правда, ему (Митрофаньчу) дали полковника, выписали хорошую пенсию и послали туда, куда Алексей Иванович запретил говорить. Но хорошая пенсия Митрофаньча распределялась по частям между двумя прошлыми женами, дочерью, невесткой, внучкой (Митрофаньч в этом плане ничем не хуже Райкина) и так далее. А с годами этот список неуклонно растет. Надо же еще и что-то тратить на себя. Ладно, на продуктах можно сэкономить, ладно квартиру свою отдал, но атрибуты для Митрофаньча – это святое: у него должна быть престижная машина и фирменные шмотки. Да и потом: если Митрофаньч не занимается интенсивной работой, у него возобновляется привычка хвататься за пульс, а от этого появляются перебои в сердце и панические состояния. Правда, если случается проблема с кишечником, например, от несвежего окорочка – сердце становится, как у космонавта, но нельзя же прожить на поносе всю жизнь! Поэтому Митрофаньч стал загружать себя разнообразным трудом, например, уже несколько лет работал прорабом, меняя вывески и руководящий состав. Каждый раз, поступая в новую строительную организацию, он восхищался деловыми качествами новых начальников и подчиненных, которые потом уходили за тучу других, аморальных, качеств. Но вновь и вновь он продолжал искать хороший коллектив, наивно полагая, что такой все-таки где-то имеется, но каждый раз было то же самое и даже хуже. А на себя он работать не хотел. Вернее, не мог. Он вообще не мог оставаться один на долгое время – непослушная рука, самостоятельная, как глаза Алексея Иваныча, но неуправляемая, как зависший компьютер, непреодолимо ложилась на пульс.

Так, постепенно передвигаясь из одной организации в другую, Митрофаныч добрал до Протуберанца. Правда, из предыдущей, ООО «Стройбамбат», пока еще не уволился.

– О, похоже, все-таки здесь побывала чья-то транзитная жадная лапа. Митрофаныч, ты помнишь, тебя захвост с Мусором сюда за паклей посылал?

– Да, помню.

– А ты помнишь, здесь была полная коробка этих ручек?

– Да, помню.

– А сколько их осталось?

– Шесть.

– А кому могут понадобиться совковые авторучки для чернил? Да, когда-то еще можно было их взять в качестве сувенира, ну а сейчас-то? Да ты глянь на них: они же ржавые. Точно Гендон. А ты у него карманы не проверял?

– Не проверял.

– Плохо. О, да еще здесь коробка с кассетами для фотоаппарата «Зенит» была. И тоже шесть осталось. Прямо-таки, дьявольское число! Это еще глупее, чем ручки. Куда он эти кассеты вставит? Правильно, Коломбо, в свой Жизненный ОПыт.

– Ну куда мне, на пи-пи-пи этот плащ?! Я же в нем сам себе на ноги наступать буду, как бабка Римма! Я же изящный! – заглушил диалог возглас ущемленного самолюбия.

– А ты, Андрюх, его не на пи-пи-пи надевай, а как положено; рукава подверни и за юбку держись, как барыни до революции двигались, вот так: хоп-хоп-хоп! – подал мудрый совет хитроумный Коломбо.

– Э-э, едят ваших матерей серые волки! Сказано же было, чем и как можно выразаться, так что не забываетесь. Забирайте свои «дождевики» и двигайте по рабочим объектам. Уборки территории не будет – «дощц» помешал. Лехе так и скажем: «Дощц». За это он все простит. Кроме мата!

Местный полицейский опорный пункт был битком набит участковыми, их помощниками и помощницами, выездным городским следственным составом, свидетельницами и главным героем происходящего – бывшим ударником социалистического труда и женоубийцей в настоящем времени Поповым Артемом Петровичем. Последний сидел за решеткой в коридоре с отсутствующим взглядом и ничего не понимал: что случилось, где он есть, как он теперь называется. И это было не просто как следствие затянувшегося похмелья: на лице (если так можно было назвать этот орган Попова) была маска недоумения и такая, что казалось, его перекосило. В кабинете старшего районного участкового шел процесс опроса свидетелей, вернее, свидетельницы, Евдакии Терентьевны Шестопаловой, той самой Евдохи, которая недавно прибежала с новостями к подруге Римме.

– У нас есть основания полагать, что Вы были одним из последних, которые видели или слышали покойную. Что Вы можете рассказать нам по этому поводу?

– А не надо говорить «последний», надо говорить «крайний». Мой внук так говорит, значит, так говорить и надо. Он у меня умный, в институт запихнули. Вот он там говорить и наблатькался. Правильно.

– Хорошо: Вы – одна из крайних, которая видела или слышала покойную.

– Нашел крайнюю! Крайние на краю живут, а моя жилплощадь в центре находится.

– Хорошо: когда Вы в последний раз видели или слышали погибшую гражданку Попову Т.В.? – у молоденького следачка на носу выступила капля пота.

– Сынка! А откель ты взял, шо я ее когда-нибудь видела или слышала? Да я ее вовек бы не то и не другое, шалашовку колхозную. Надо ж так деда довести, что он ее мухобойкой прихлопнул! И знать не знаю, и домяру ее два года по другой улице обхожу.

– А у нас есть другие сведения. Гражданка Римма Ивановна Попрыгина утверждает, что накануне убийства Вы пришли к ней домой и рассказали, что у Поповых произошел семейный скандал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.